

ДУЛАТ ИСАБЕКОВ
ТРАНЗИТНЫЙ ПАССАЖИР

Действующие лица:

Айторе
Зейнеп
Ертай
Силуэт матери Айторе

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двухкомнатная квартира на втором этаже дома старой застройки из красного кирпича, стоящего на окраине города. Недалеко аэропорт, время от времени слышен рокот пролетающих самолетов.

На улице льет плотный осенний дождь. Зейнеп дома одна. Всего два месяца, как она вышла на пенсию. В углу на маленьком столике чернеет старенький телефонный аппарат. Женщина не находит себе места, видно, кого-то в нетерпении ждет.

Подходит к телефону, снимает трубку, слушает.

Зейнеп. Застыл, как истукан, думала, поломался. Нет, гудит в трубке.

Кладет трубку, ходит взад-вперед по комнате. Подходит к окну, смотрит на улицу. Идет проливной дождь.

Зейнеп. Промокнут ведь оба под таким дождем!.. Прошло целых три часа, как позвонили, что выходят. Где они мотаются до сих пор?

Настенные часы «прокуковали» четыре раза.

- Уже четыре часа. Может, невестка обиделась на что-то и отказалась идти? Позвонить им, что ли?

Снова подходит к телефону. Поднимает трубку, крутит раза два ручку и неожиданно кладет трубку на место.

- Нет, возьмет трубку эта сварливая сватья, слово за слово – поругаемся. Лучше заварю крепкий чай, придут молодые – согреются.

Она входит в кухню, ставит на плитку чайник. В эту минуту звонят в дверь.

- Пришли! Ах, вы, мои озорники! Мой – Ертайжан и невестушка! (Снова звонит звонок). Сейчас, сейчас! Заставили ждать целый день, а теперь не могут подождать полминуты. Что, трудно было дойти до телефона? (Не переставая ворчать, открывает дверь.) Будь вы не ладны! Ну, захо...

Зейнеп осеклась, не договорив вторую половину слова «дите» На пороге стояли не сын Ертай и ее невестка, а неизвестный, весь промокший от дождя мужчина лет 65-ти, в шляпе, с полей которой ручьем стекала вода. Зейнеп растерялась.

Зейнеп. Вы... Вам кого?

Айторе. М-м... Как бы сказать... Это долгий разговор.

От испуга Зейнеп захлопывает дверь.

Зейнеп (сама с собой). Как он странно выглядит! Говорят, воры подбираются к людям с таким жалким видом. И дети, как нарочно, задерживаются!

Снова звонит дверной звонок. Потом еще... В третий раз.

*Теперь звонок звонит непрерывно.
Зейнеп, ступая на носках, приникает ухом к двери.*

Зейнеп. Вы к кому? Кто вы?

Айгоре. Я... Я искал этот дом.

Зейнеп. Какой дом?

Айгоре. Дом, в котором вы живете.

Зейнеп. А зачем?

Айгоре. Хотел увидеть.

Зейнеп. Хотели увидеть? (*Испуганно.*) Но – зачем?

Айгоре. Давно не был здесь. Соскучился.

Зейнеп. Соскучились? Вы в своем уме, что вы мне тут городите?
Я сейчас вызову милицию!

Айгоре. Милицию? (*Негромко смеется.*) Я не был в этом городе
целых двадцать лет.

Зейнеп. А мне какое дело до этого? Пусть прошло двадцать лет,
но почему вы, собственно, должны скучать именно по моему
дому? В Алматы полно домов. Почему бы вам не позвонить
моим соседям? На первом этаже живет точно такой же, как вы,
старик. Кстати, изнывает от безделья.

Айгоре. О, Создатель! Что стало с казахами? Раньше, бывало,
проходящего мимо человека зазывали к себе в гости, а теперь
даже в дом не пускают.

Зейнеп. Нынче другое время. Изменились казахи, потому как
стало много таких, как вы, «соскучившихся».

Айгоре. Может, оно и так. Но мне кажется, вы не изменились.
Голос у вас искренний.

Зейнеп. Ах, мой милый... аксакал! Решили разжалобить меня?
Все равно не открою дверь.

Айгоре. Да поймите вы! Я... я – путник. Буду в этом городе всего
два часа. А пришел я в этот дом... Жил здесь лет двадцать
тому назад. Когда еще выйдет такая оказия, вот и решил
заглянуть. Но, видно, не судьба.

*Зейнеп задумалась. Степенная и задушевная речь
неизвестного, похоже, немного успокоила ее.*

Зейнеп. Вы... говорите правду?

За дверью не отвечают.

– Наверное, он и вправду соскучился, если не был здесь долгих двадцать лет. *(Чуть приоткрывает двери, пытается взглянуть на неизвестного. Его не видно. Выходит наружу и видит, что незнакомец, опираясь на перила, спускается на первый этаж.)* Эй, вы... Алло-оу... Аксакал! Путник!

Незнакомец молча поворачивается и поднимается вверх.

– Если... Если вы говорите правду... Зайдите, посмотрите на свою квартиру.

Айгоре. Спасибо! Не хотелось верить, что люди все разом стали бессердечными.

Вдвоем подходят к двери. Зейнеп все еще поглядывает на незнакомца с опаской. Он берет за дверную ручку, другой гладит дермати́н, которым снаружи обшит дверь.

– Ничего не изменилось! Когда-то я сам покупал этот дермати́н и сам обшивал двери. М-м... Здравствуйте!

Зейнеп. Здравствуйте...

Незнакомец снимает мокрую шляпу, встряхивает, капли попадают на лицо Зейнеп. Она вздрагивает от неожиданности.

Айгоре. Меня зовут Айгоре...

Зейнеп. Ну и что с того? *(Вытирает рукавом платья лицом.)*

Если вы Айгоре, то можно и обрызгать водой женщину?

Айгоре *(с неловким смехом).* О-о, простите, пожалуйста! Оплошал... Долго искал дом, промок весь. Вокруг все

изменилось.

Зейнеп. Ваша внешность и слова не говорят о вас, как о лихом человеке... Но плохо, что обрызгали меня.

Айторе. Еще раз прошу простить меня за мой проступок. Я... еду из аэропорта. Скоро улетаю. Как же быстро летит время? Жизнь проходит, человек стареет. С годами человек оглядывается на свое прошлое, и оно вызывает в душе щемящее чувство грусти. Будущее – зыбко, прошлое – дорого. Ну вот... Заявился в неурочный час и завел беспокойный разговор. Простите великодушно.

Зейнеп. И вправду получается как-то несуразно... Я вас раньше не видела, не знаю вас. Вроде и нет повода приглашать в дом, но и язык не поворачивается отказать вам в этом. Да и выглядите вы, словно только что вылезли из колодца. Ну, что делать, заходите в дом. Раз жили в нем когда-то, поглядите на него.

Айторе. Благодарю вас.

Они входят в квартиру. Айторе оглядывается по сторонам, покачивает головой, на лице его блуждает улыбка.

Стоит как стоял. (Смеется, глядя на металлический стоек, торчащий недалеко от входа.) Я вбил его, решив установить здесь книжные полки. Жена воспротивилась тому, что книги будут размещены в передней, и не дала вбить второй стоек. Собирался выдернуть этот, да забыл за хлопотами. А он так и стоит...

Зейнеп. А куда ему деться? Да и вбили вы его, видно, на славу, я днями хотела выдернуть его, но не смогла. Целый день провозилась зазря. Намертво вбит.

Айторе. Стены тут крепкие.

Зейнеп. Ах, да снимите вы с себя одежду! Промокли, наверное, до костей... Этому стойку еще век стоять!

Айторе. Спасибо. (Снимает плащ, вешает на вешалку.) Если позволите, я взгляну на другие комнаты.

Зейнеп. Конечно, раз уж вошли в дом...

Айторе, разувшись, двинулся было вперед, но Зейнеп расторопно ставит перед ним домашние тапочки.

Айторе. Спасибо большое. (*Перед тем, как зайти в комнату, задерживается.*) Что ни говори, а прошло двадцать лет. Волнуюсь...

Айторе обходит комнаты. Зейнеп, не зная как поступить, остается стоять в передней. Из дальней комнаты появляется Айторе. Подходит к Зейнеп, вытирая глаза и лицо носовым платком. То ли слезы вытирая, то ли дождевые капли.

– Меня зовут Айторе. М-м... Ах да, я ведь уже представился вам. Фамилия моя – Аскарлов. Проездом здесь. Говоря современным языком, я транзитный пассажир. До вылета самолета (*смотрит на часы.*) осталось три часа. Сейчас я был бы уже в Новосибирске. Но из-за густого тумана, опустившегося на аэропорт, как видите, очутился в вашем доме.

Зейнеп (*со смехом*). Вижу.

Айторе. А лечу я в Якутск. Возвращаюсь домой после отдыха в Крыму. До окончания отпуска еще два-три дня, вот и решил лететь через Алматы. Подумал, подышу хоть родным воздухом. Когда еще доведется быть здесь?... Не так уж близко живем, чтобы наспех и появиться на досуге.

Зейнеп. Якутск... Это, кажется, там, где круглый год не тает снег?

Айторе (*смеясь*). Да, да... Там – вечная мерзлота. Это – страна, где живет народ саха.

Зейнеп. Это же очень далеко?

Айторе. И не говорите – край земли.

Зейнеп. О, создатель, как вы там очутились?

Айторе. Е-е, кто-то сказал: «Ты не спрашивай, а я не стану говорить: стану говорить – заплачешь». Это, милая, долгая история.

Зейнеп. Наверное, уехали, на кого-то обидевшись?

Айгоре. Не без этого.

Зейнеп. Стоит ли из-за обиды подаваться на край земли?

Айгоре. *(с грустной улыбкой.)* Так вышло. Видно, судьба. Ну, мне пора. *(Как бы прощаясь с родным углом, оглядывается по сторонам.)* Мы в эту квартиру... вселились сразу же после окончания войны. Нашу тогдашнюю радость, наверное, не смог бы передать самый даровитый писатель. Подумайте сами, четыре года ходили под пулями по огненным дорогам войны, не зная, останемся живы или нет, а дома – больная мать и невеста. До нашей свадьбы оставалось два дня, когда жизнь пошла вверх тормашками.

Зейнеп. Но женились все-таки?

Айгоре. Да, женился. Сразу же после войны.

Зейнеп. Это хорошо. Могла ведь начаться очередная на земле катавасия...

Айгоре. *(с веселым смехом.)* У вас тонкий юмор. Знаете, спасибо вам большое. Я как бы встретился с порой своей молодости, окунулся в прошлое и словно бы заново родился. Такое ощущение, что из каждого угла этой квартиры на меня смотрят мои былые годы. Сейчас вам эта квартира, конечно же, кажется тесной, а мне после сырых окопов она показалась просторным и светлым дворцом. Моя незабвенная мама заплакала от радости, когда мы переступили порог этого дома и на полу вон той дальней комнаты расстелили кошму. Слезы у нее лились в три ручья. «Спасибо создателю за все, – сказала она тогда. – Не выскажу ни слова сожаления, если он решит хоть сейчас забрать меня». «Апа! – воскликнул я. – О чем вы? Только дожили до светлого дня, а вы – о смерти. Лучше просите создателя, чтобы был щедрым и продлил нам жизнь». А она в ответ: «Я молила создателя, чтобы дал мне, старой, возможность увидеть тебя живым и невредимым, он снизошел к моим мольбам. Теперь я въехала в светлый и просторный, как дворец, дом. Чего же мне еще желать? Создатель, он ведь не любит назойливых просителей». И тут я выпалил: «И что же, вы согласны уйти, даже не дождавшись своей невестки,

которая со дня на день войдет в этот дом?» Мама моя, как сейчас помню, растерялась. «Нет, нет, как же я могу уйти, не обняв свою долгожданную невестку? – всполошилась она. – Создатель исполнил два моих желания, не посчитает, наверное, излишней третью мою просьбу?» Разве дано человеку утолить жажду жизни? Война привила нам, молодым безусым парням, мудрость, свойственную старым людям. И я как бы взял за руку свою старую мать, и мы пошли дальше по дороге жизни.

Зейнеп. Я вижу, вы ей не дали покоя.

Айторе. *(снова рассмеявшись.)* Да, да... Когда я сказал ей: «Апа, вот вы и обняли свою долгожданную невестку, теперь вы должны жить ради того, чтобы поцеловать своего первого внука», – она устало вздохнула: «И это, оказывается, стоит на очереди».

Зейнеп. *(спохватываясь.)* О, Создатель, людям дай только поговорить! Неловко получается: стоим столько времени, словно охотник и жертва, связанные друг с другом незримой нитью. И забыли о многом. Незнакомые люди обычно встречают друг друга настороженно, но сближает их слово! Когда вы позвонили, я только садилась за чай. До вылета самолета еще есть время, выпейте одну-две пиалы чая, погрейтесь с дороги.

Айторе. Странно, вы отгадываете затаенные мысли человека. Или я виден насквозь, или для вас нет ничего тайного... Честно говоря, я бы не отказался от горячего чая, если даже при этом опоздаю на самолет.

Зейнеп. Тогда идемте... Нет, не годится тащить в тесную кухню путника, идущего издалека. Чай я принесу сюда. А вы присаживайтесь, отдохайте... *(Зейнеп показывает Айторе на диван, сама накрывает стол, стоящий посредине комнаты.)* Где бы ни жили сейчас, но вы были первым хозяином этой квартиры. Сам бог велит отведать пищи в родном доме.

Оба весело смеются. Айторе остается один в комнате. Из кухни слышится стук посуды. На улице дождь льет сильнее,

тяжелые капли с треском бьют по стеклам, стекают вниз.

Айторе. *(сам себе.)* Все как вчера... Так и кажется, что моя больная мать сейчас тихо выйдет из той дальней комнаты. Она давно не поднималась с постели.

Появляется видение в образе матери Айторе.

Мать. Ты приехал, жеребенок мой? Чего это ты примостился на самом углу дивана? И почему ты весь мокрый?

Айторе. Долго был в пути.

Мать. Был в пути? То-то я тебя давно не видела.

Айторе. Но вы, наверное, чувствовали, что я постоянно думал о вас?

Мать. Иногда чувствовала, а иногда – нет. Должно быть, со временем ветшает аруах – дух человеческий. Я довольна тем, что мои дети, внуки ступают по земле. Они могут и забыть про нас, но аруах будет сопровождать их по жизни и оберегать от бед. Ты вернулся издалека, наверное, тебя мучает жажда. Принести тебе напиток?

Айторе. Не беспокойтесь, апа, я здоров. Поберегите себя. Как вы себя чувствуете?

Мать *(тихо рассмеявшись.)* Как я могу себя чувствовать, сынок? Аруах ведь живет, оберегая дом детей. Ему все равно, сколько прошло времени: сто лет или тысяча. Я бы хотела вдохнуть запах детей, твоих детей. Вот, наконец, я дождалась тебя. Я вижу, ты поседел, сынок.

Айторе. Я переступил возраст пророка, апа. Пора и седине появиться. В этой жизни, отмеренной от детской колыбели до сырой могилы, старость наступает на удивление быстро. Моему правнуку, которого вам не довелось увидеть при жизни, уже исполнился год. *(Тяжело вздыхает.)* Ему осталось прожить всего шестьдесят лет, чтобы голова стала седой. Вот такой сложилась жизнь, для которой вы когда-то напутствовали меня. Однажды в назначенный срок, не ошибившись, смерть найдет и меня. Вот тогда на этой

грешной земле забудут про нас, апа. Мы все, как и наши далекие предки, превратимся в аруахов и будем витать в небе.

Мать. Не горюй, сынок. Я вижу, тебе несладко пришлось в жизни. Что поделаешь, и я сполна вкусила от нее. Не бывает у человека иной жизни, кроме уготованной ему судьбой. Он может быть просто довольным или недовольным своей жизнью, но она у него одна. Только не сникай, сынок, думай о том, как уберечь свое потомство. Аруахи молят людей только об этом.

Видение матери и постепенно удаляется и исчезает. Айторе устремляется за видением и останавливается. Входит Зейнеп с подносом в руках, уставленным чайным прибором.

Зейнеп. Вам не было скучно одному?

Айторе. *(не найдя что сказать.)* М-м... Нет-нет!

Зейнеп. Похоже, эта квартира навеяла на вас воспоминания?

Айторе. Как бы вам сказать? Говорят, растерявшийся человек смеется невпопад, испугавшаяся собака лает наугад. Мне кажется, я просто растерян.

Зейнеп. А чего теряться, когда сидите в своем доме? Берите чай.

Оба садятся за стол, пьют чай.

Айторе. Как странно, в Крыму пил точно такой же индийский чай, из такого же заварного чайника. Но чай, приготовленный женской рукой, имеет совсем другой вкус.

Зейнеп. Возможно. На днях... *(В этот момент звонит телефон.)* Наверное, мой сын Ертай. Пора бы ему с женой уже подойти, а звонят по телефону. Алло-оу, это я. Что случилось, почему задерживаетесь? Я говорю, почему задерживаетесь? Обещали, что придете утром, а на дворе – вечер. Работа? Что это за нескончаемая работа? Невестка рядом?... Кого? Ждете старшего брата? Откуда он должен приехать?... Милые мой, вы же часто его видите, могли бы и завтра встретиться с ним!.. Не задерживайтесь... Хорошо. *(Она кладет трубку.)* Я,

наверное, совсем поседею от его причуд! То говорит – будет жить у жены, то говорит, что – здесь, в родительском доме. Куда укажет жена, туда и катится, словно перекаати-поле. Теперешние джигиты, по-моему, и слова наперекор не могут сказать своим женам: квелые какие-то все пошли. Иногда даже зло берет.

Айторе. Младший он у вас?

Зейнеп. Как вы догадались?

Айторе. Просто предположил. А вот мой первенец вырос сорванцом. Как же я намучился с ним! Чуть даже не сел из-за него в тюрьму.

Зейнеп. О. Создатель, что вы говорите? Ваша-то вина в чем?

Айторе. Обвинили в том, что не дал ему правильного воспитания.

Зейнеп. А в чем он провинился?

Айторе. И не спрашивайте, милая. Обыкновенный безобразный поступок! Поехали веселой компанией из девушек и парней купаться на озеро. Порядком взбодрили себя спиртным и начали навеселе бросать друг друга в воду. Мой сын со своим дружкой вроде бы пристал к одному парню, который не отходил от девушек: мол, почему не купаешься? Потом они взяли его за руки и ноги, раскачали и бросили с берега в воду. Стали ждать, когда он выплывет на поверхность, а он не показывается. Решили, что парень разыгрывает их и потому нарочно задержался под водой. Но тот словно исчез в глубине. Все вокруг заволновались, два-три парня тотчас нырнули в воду, стали искать несчастного. Вытащили его минут через пять. Оказалось, его свела судорога и он захлебнулся. Парень умер в машине «скорой помощи» по дороге в больницу. Ну, а что дальше, понятное дело: виновники смерти парня оказались в тюрьме. Я говорю о моем сыне и его дружке. Ловкачи, давно ждавшие такого удобного случая, конечно же, умело воспользовались моей бедой, и на работе меня понизили в должности. Людская жизнь полна борьбы, и в ней, сами знаете, бывает места жалости.

Зейнеп. А сын ваш... Он, конечно, теперь уже взрослый?

Айторе. Да. Но после того сбоя ему не везет в жизни. Подобно верблюду, идущему по льду, падает, поднимается, снова падает.

Зейнеп. *(после паузы.)* Мой старший сын... Тоже с трудом встал на ноги. С малых лет был озорником, потом стал буянить. Тоже отсидел свое.

Айторе. Отсидел? За что?

Зейнеп. За драку, будь все неладно. А виной всему – то же самое спиртное. Если снова не примут закон, запрещающий употребление спиртного, наши парни, наверное, пропьют весь свой ум. Ни пить не умеют, ни веселиться по-человечески. Пригубят горячительного, начинают махать кулаками. Наш сынок в таком именно безалаберном состоянии и не заметил, как наступил на уголья. Был в кустанайских степях на уборке хлеба, ввязался в драку с солдатами. Вроде бы у одного солдата в той драке вытек один глаз, и было оторвано ухо. Подоспела из райцентра милиция и задержала всех драчунов. Разбирались несколько дней. У одного драчуна отец вроде бы работал министром, одним словом, был важным лицом. И вот этот парень, говорят, попросил моего сына взять всю вину на себя: мол, был и зачинщиком драки, и глаз солдату выбил, и ухо ему оторвал. «Я смогу освободить вас, если останусь на свободе, – оказывается, заявил он своим дружкам. – А если сяду вместе с вами, то никто нас не выручит». Наш сынок, недолго думая, согласился признать себя виновным. «Я был зачинщиком драки и искалечил солдата», – признался он на следствии и подписал протокол дознания.

И получилось, что посадили в тюрьму моего сына, а всех остальных участников драки освободили. Никто, конечно, и пальцем о палец не ударил, чтобы освободить его из заключения. Хлопотала я одна. Но что я в одиночку могла сделать? Только слезы лить?... Какие только пороги не обивала, обливаясь горькими слезами? Кому только не доказывала, что моего мальчика осудили зря, что он не мог быть зачинщиком драки и вовсе не дрался, потому что появился там уже после драки. А о чем-то выбитом глазе и

оторванном ухе вообще узнал со слов милиции. Но все мои хлопоты были напрасны. Все соглашались, что мой сын по наивности возвел на себя напраслину и подписал протокол, но ничем не могли помочь. Закон есть закон, его не дано перешагнуть простым смертным. Что написано пером, как говорится, не вырубишь и топором. В общем, посадили сына на шесть лет... *(Уголком платка вытирает выступившие на глазах слезы.)*

Айгоре. А куда делся тот... Сын министра?

Зейнеп. А что с ним могло стать? Живет себе припеваючи. Я встречалась и с ним, и с его отцом – министром. Они слушать меня не стали: «Сын ваш дрался? Дрался. Признался, что виновен? Признался. Что же теперь вы от нас хотите?..» А со временем они меня и близко к себе подпускать не стали.

Айгоре. *(сокрушенно.)* Продажные твари! Привыкли топтать правду и презирать порядочность! Такие завтра предадут и отечество, и родную мать. И самое плохое, их ведь не выведешь на чистую воду! Сколько на этой земле таких вот бессовестных! Вы знаете, я, кажется, уже смирился с тем, что они неистребимы... Не сочтите за не деликатность: сколько вам лет, сестренка?

Зейнеп. *(улыбаясь сквозь слезы.)* Похоже на сцену, когда один старик называет другого старика «дядей». Какая я вам сестренка?... Мне кажется это не деликатно – называть сестренкой седовласую женщину.

Айгоре. Подождите! Ну, надо же! Столько всего перебрали за беседой, а я не знаю, как вас зовут.

Зейнеп. Зовут меня – Зейнеп. Но для близких я «Аже» – бабушка. Нашу прабабушку звали Зейнеп, и меня по обычаю нельзя было окликать этим именем. Прозвали «Аже», чтобы звучало близко к моему имени. Мне было всего год, как я стала «Аже» – Бабушкой, а вы хотите видеть во мне сестренку.

Айгоре. *(со смехом.)* Забавно получилось...

Зейнеп. Вот так, мой брат! Да, а сколько осталось до вылета самолета?

Айторе. О-хо, Аже, я и забыл, оказывается, про свой самолет! (*Смотрит на настенные часы.*) Надо же, как быстро летит время? Прошло целых сорок минут!.. А совсем недавно в аэропорту каждая минута, казалось, длится точно год. Надо потихоньку двигаться. Да и неловко будет, если зайдет кто-то из ваших детей.

Зейнеп. И я с беспокойством думала об этом. Дети скоры на язык, могут обидеть ненароком. Иначе можно было бы и еще посидеть. Тем более что аэропорт рядом с нашим, вернее, с вашим домом, а на улицах полно такси. А может, побудете еще некоторое время? Я поставлю мяса.

Айторе. Спасибо за внимание. (*Кивает в сторону окна.*) Дождь не унимается. В такую слякоть, конечно, было бы куда лучше сидеть рядом с вами и пить вкусно заваренный чай. Но ведь завтра понедельник, вам, должно быть, надо готовиться на работу?

Зейнеп. Вам так и хочется увидеть меня молодой! Какая еще работа? Я давно оставила ее, между прочим, уже месяц как я на пенсии. Такая вот у вас сестренка...

Оба весело смеются.

Айторе. Глядя на вас, не подумаешь что пенсионерка!..

Зейнеп. Выгляжу как девушка на выданье?!

Айторе. Вижу, в девичестве вы не давали спуску джигитам. Похоже, моему дяде пришлось с вами не сладко...

Зейнеп (*с тяжестью в голове*). Что правда, то правда... Потому, наверное, он поспешил закрыть глаза и оставил меня одну с четырьмя детьми.

Пауза.

Айторе. Простите меня. Не подумал, что шутка обернется таким образом. Давно он скончался?

Зейнеп. Старшему сыну было одиннадцать, а младшему Ертаю исполнилось только четыре года. Было ему... пожалуй,

столько, сколько вам. А сколько лет вам самим? У мужчин, полагаю, можно спрашивать его возраст?

Айторе (*смеясь*). Конечно, можно. Мне шестьдесят пять. Только недавно вспоминал, что перешел возраст пророка. Странно, если бы пророк был жив то, оказывается, тоже ходил бы в пенсионерах.

Снова оба весело смеются. Зейнеп неожиданно роняет на пол пиалу, и она разлетается вдребезги.

Айторе. К счастью!

Зейнеп. Дай бог! Посмотрите, дождь не перестает лить. Как бы вы не промокли, пока поймаете такси. Бывает, что вечером они все разом исчезают.

Айторе. Ничего страшного. Остановлю первую же попавшуюся машину.

Зейнеп. И все же... Как бы не простыли на холоде. (*Поднимается из-за стола, берет зонтик, протягивает ему.*) Возьмите это.

Айторе. А как же вы сами?

Зейнеп. Я ведь сижу дома.

Айторе. А завтра, послезавтра? Что будете делать потом?

Зейнеп. Наверное, сегодня в Алматы разом не закроют все магазины?

Айторе (*мнется*). Сейчас зонтики – редкость, да и стоят они дорого.

Зейнеп. Похоже, откочевали на чужбину и отвыкли от наших обычаев. Берите, не смущайтесь. Мало радости приехать домой больным.

Айторе (*берет зонтик*). Огромное спасибо!

Зейнеп. Дом свой вы посмотрели. Вспомнили былую жизнь. На душе, наверное, стало легче. Приедете домой, расскажете своей байбише: «Я побывал в нашем старом доме, куда ты однажды вошла невесткой. В нем сейчас живет пожилая женщина, недавно вышедшая на пенсию. Она угостила меня чаем и передала тебе привет».

Айторе. Даже не знаю, как выразить вам свою признательность.

Спасибо вам!

Зейнеп. В следующий раз наезжайте вдвоем с супругой. Мне кажется, воротник костюма не просох. (*Дотрагивается и гладит ладонью воротник его костюма.*) Да, еще влажный. Не догадалась прогладить горячим утюгом. Может, снимете костюм, я его быстренько проглажу?

Айторе. Нет-нет, спасибо! Я и без того доставил вам много хлопот. До свиданья.

Айторе протягивает руку на прощание. Зейнеп тоже.

Поведали друг другу немного о своих горестях, а узнать друг друга по-настоящему не удалось. Я уезжаю, вы остаетесь здесь. Хотя и случайная вышла встреча, и вы не знали меня раньше, но приняли с радушием. Что еще... можно сказать? Надеюсь, на следующей встрече познакомимся поближе. (*Освобождает руку из ее руки.*) Может, получится так, что вы заглянете в наши края?

Зейнеп (*растерявшись от его слов*). А-а... Да, приеду. Обязательно приеду к вам. (*Придя в себя.*) Ледовитый – не диковинка, каждый божий день можно навещаться к вам.

Зейнеп смеется своей шутке. Айторе вторит ей.

Айторе. Ну, будьте здоровы. Буду молить всевышнего, чтобы у вас в жизни все складывалось хорошо.

Айторе выходит. Дверь со стуком захлопывается. В доме наступает мертвая тишина. Зейнеп стоит, как потерянная. Потом заходит на кухню. Видит осколки разбитой пиалы, берет веник и совок, подметает пол. Ей вдруг словно бы слышится голос Айторе: «Не переживайте, будет и на нашей улице праздник». Она вздрагивает и, словно бы не помня себя, подходит к столу, за которым недавно беседовали. Останавливается перед стулом, на котором сидел Айторе. Дотрагивается до его спинки. Сама не замечает, как садится

на этот стул. И в это мгновение ей кажется, что видит перед собой улыбающегося Айторе.

Зейнеп. Да что это такое со мной? В своем ли я уме?... *(Она торопливо поднимается со стула. Идет в кухню, но ей кажется, что кто-то входит в квартиру. Она резко оборачивается. Никого. Пытается взять себя в руки. Вроде бы успокаивается. Но в это мгновение почти рядом, за спиной, снова слышит голос Айторе: «Поведали друг другу немного о своих горестях, а узнать по-настоящему друг друга не удалось». Зейнеп охватывает страх.)* О, Создатель! Это ведь его голос... Его слова. Что за наваждение? Он же – чужой мне, а я все думаю о нем... Какой стыд!.. Нет, надо как-то отвлечься. Позвоню сейчас свахе...

Зейнеп крутит ручку аппарата. После нескольких гудков на другом конце линии раздается неторопливо-долгое: «Алло-оу!»

Зейнеп. А-а, сваха, как поживаете? Это мама Ертая. У вас все хорошо? Как здоровье моего свата?... Спасибо, неплохо себя чувствую. Я хотела узнать, что там с нашими детьми? Сказали – заедут днем, а уже вечер. Я заждалась их, все глаза проглядела. Они выехали или нет?... Что? Спит? Кто же спит на исходе дня? Он же звонил мне час назад, сказал, что сейчас выезжают. Что?... Что вы говорите?... Под градусом? С какой это радости он выпил? О небо... Ведь был трезвый, когда звонил!.. Нет-нет, я не считаю, что вы «повалили его наземь и накачали его водкой». Я говорю о том, что он перестал употреблять спиртное. Где Ертай? Спит?... А невестка рядом?... Нету дома? Ничего не понимаю: уложила мужа в постель, а сама невесть где... Но как же так?... Почему... Почему она пошла в гости с братом, а не с мужем? И почему Ертай не мог прийти спать сюда? Разбудите его!.. Тогда вылейте на него холодной воды!

Пауза. Сваха, видимо, пошла будить Ертая.

Зейнеп (*самой себе*). О небо, как бы она самом деле не окатила его холодной водой! (*В трубку.*) Ау, сваха, не надо выливать воды, пусть спит! (*В трубке молчат.*) Как бы он не испугался со сна... Да-да, что с ним? Не поднимается?... Сказал, что позвонит сразу же, как встанет? Значит, он не спит?... Говорит, хочет спать? О небо, как он измучил меня? Покажись только мне на глаза!.. Хорошо, хорошо, не обижайтесь, сваха. Пусть позвонит, как только поднимается, а я уж не буду вас больше беспокоить. До свиданья, будьте здоровы! (*Кладет трубку и начинает ходить взад-вперед по комнате. Разговаривает сама с собой.*) Никакого уважения к себе! Жена в гостях, а он, недоумок, валяется дома на постели. Когда только он возьмется за ум, когда обретет себя?

Громко звонит телефон

Ах, мой хорошенький, проснулся, встал! (*Подбегает, поднимает трубку.*) Ертай! Милый мой... Кто? А-а... Это вы? В телефонной трубке ваш голос не узнать. Я лишь раз слышала ваше имя, запомняла... Да, я говорила по телефону, потому он и был занят. По делам сына... Нет, еще не приехал. Спит... Нет-нет, хлопоты разные. Собирает какие-то вещи, никак не успевает... Вовремя летит ваш самолет?... Что? Задерживается еще на три часа? Выходит, и вам сегодня нелегко... Я после вашего ухода... Знаете, как-то стало не по себе... О боже, какой стыд... Как-то неуютно мне... Какие-то разные мысли... А дождь все льет! Я даже боюсь, как бы не случился потоп. Что?... Я говорю, боюсь. Чего? Не знаю. Вот уже три года, как мне кажется, что мой дом обступили со всех сторон и мне грозит опасность... Времена настали такие – одни беды. Вот я и стала всего бояться. Раньше в апреле шла гроза, и гремел гром, а сейчас гремит и летом, и осенью, и даже зимой. Природа, выходит, тоже потерялась. Вы слышите, как гремит гром? Так гулко! Такое ощущение, что небо раскололось пополам... Не слышите? Нет?... Тогда

послушайте. *(Зейнеп протягивает трубку в сторону окна. Потом приставляет трубку к уху.)* Никуда я не уходила, просто выставила трубку в сторону окна, чтоб вы услышали раскаты грома. Было слышно?... Нет?... Ну, хорошо, наверное, и там, в Якутске, гремит гром – услышите... И что вы теперь будете делать?... Ах, собираетесь идти в гостиницу? Конечно, идите, устраивайтесь. Там, должно быть, уютно... С чего вы взяли, что я обижаюсь? Упаси бог от обиды... Не знаю. Ертай обещал позвонить. Что?... Не поняла. Вы могли бы говорить, не волнуясь?... Опять не поняла... Так... А почему же нет? Что же тут постыдного?... Вы ведете себя, как девушка, которой впервые предстоит переступить чужой порог... Говорю, ведете себя как девушка, не переступавшая чужой порог. Так говорят о человеке, который все возводит в стыд. Видимо, забыли о многом, живя в чужих краях. Двери моего дома всегда открыты для тех, кто хочет зайти с добрыми намерениями. По правде говоря, это и ваш дом, не так ли?... Хорошо, приходите.

Зейнеп опускает трубку. Лицо ее задумчиво.

Ну что, Зейнеп, пригласила человека в гости, а в доме нет и куска мяса. *(Она открывает холодильник и тут же захлопывает дверь.)* Пусто. Надо успеть в магазин, пока его не закрыли. Сколько же у меня осталось денег? *(Открывает кошелек, считает деньги.)* Триста тенге. Два килограмма мяса – двести тенге, полкило сахара – полсотни тенге, двести граммов масла – столько же. Остаются – пятьдесят тенге. Что на них можно купить? стакан молока, пригоршню конфет, два яблока... И все! Даже когда поставлю на стол, что куплю, дастархан все равно будет смотреться бедно. А он – чужой, издалека, откуда ему знать мои возможности, подумает, что казахи изменили своим обычаям. И потом – израсходую сегодня все свои сбережения, на что стану завтра жить? До пенсии целых одиннадцать дней. Буду питаться воздухом? А если не выдадут пенсию через одиннадцать дней и начнут кормить вечным «завтра», и волынка эта протянется на

неделю-две? И у соседей уже неловко одалживать. Сами живут, затянув пояса. Голова идет кругом... Теперь я, кажется, начинаю понимать горожан, которые месяц голодают, однажды приняв в доме гостя. Всего одного гостя! (*Смотрит на настенные часы.*) О небо, уже ведь поздно! Бесконечно думать о завтра – потерять голову. Лучше еще раз обойду соседей.

Одевается, торопливо берет сумку и выходит из квартиры.

* * *

Та же знакомая нам картина. Сцена пуста. Входит Зейнеп, промокнувшая с ног до головы.

Зейнеп. Отдала ему зонтик, будто мне больше не выходить из дома. Теперь сама промокла.

Снимает верхнюю одежду, ставит на стол свертки. Видно, что приобрела она немного.

Вот и все покупки. Заняла у соседей целых пятьсот тенге, а на столе не наберется еды даже на одного человека. А эти пятьсот тенге – моя месячная пенсия! (*Смеется.*) Ну, ладно, от стенаний нет толку, лучше займусь ужином. (*Отстраняясь от свертков.*) А ведь я ходила долго, что, если он приходил, звонил тут тщетно и ушел? Как это я не додумалась оставить записку? Верно говорят, хромя овец блеет после обеда... О боже, я же не купила хлеба и молока! Как же теперь быть?... (*Разбирая свертки.*) Придется попросить у соседей... Что он задерживается?

Звонит дверной звонок. Зейнеп вздрагивает.

Зейнеп. О небо! (*Она торопливо приводит себя в порядок, потом начинает лихорадочно расставлять посуду на столе.*) Дверь открыта, входите!

В квартиру входит Айторе.

Айторе. Чувствую, что один чужеземец сегодня вконец надоест вам. *(Встряхивает зонтик.)*

Зейнеп. А вы не из тех, кто будет здесь часто. Проходите, будьте гостем.

Айторе. Спасибо. У меня такое ощущение, что небо над Алматы прохунилось.

Зейнеп. Вполне возможно. Три дня, как я не видела ясного неба. Присаживайтесь.

Айторе садится на тот же угол дивана, где сидел недавно. Неторопливо расчесывает мокрые волосы.

Айторе. Странно, на этот раз я зашел в дом совсем с другим настроением.

Зейнеп. Дело привычное – заходить в свой дом.

Айторе. Нет-нет!.. Тут дело совсем в другом... В вашем душевном расположении к человеку. Мне кажется, такие люди, как вы, почти музейная редкость.

Зейнеп. И надо бы еще заспиртовать в колбе?

Айторе *(рассмеявшись)*. Ну что вы?... Я говорю о том, что вы по нынешним временам – редкий человек.

Зейнеп. Ах, оставьте! Что вы в самом деле?

Айторе. Сказать вам правду? Я совсем не расстроился от того, что рейс задержали.

Зейнеп. Надоело летать?

Айторе. Дело не в этом.

Зейнеп. В чем же?

Айторе. Хотел увидеть вас.

Зейнеп. А?

Айторе. Очень захотелось вас увидеть.

Зейнеп. Храни меня бог! Это еще зачем? С чего это вы захотели меня увидеть?

Айторе *(смеется)*. Сам не знаю.

Зейнеп. Боже мой, мне же надо сходить в магазин!

Айторе. Не стоит так беспокоиться из-за какого-то путника.

Зейнеп. А я еще до вашего визита собиралась в магазин. Целый день не могла выйти из дома, ожидая сына. А он уснул... Что я говорю? Не уснул, а задерживается из-за дел. Я быстро... Включить вам телевизор?

Айторе. Не надо.

Зейнеп. Тогда посмотрите фотоальбом. Может, попадется кто-то из знакомых.

Зейнеп торопливо идет в переднюю. Вслед слышится голос Айторе.

Айторе. Вам не будет трудно купить мне бутылку светлого сухого вина?

Зейнеп застывает на месте, думая о своих скудных финансовых возможностях.

Зейнеп. Вина? Но оно ведь дорогое!

Айторе (с виноватым смехом). Вот возьмите деньги на вино.

Зейнеп. На все купить?

Айторе. Не-ет! Я же не водяной... Достаточно одной бутылки.

Зейнеп. Вы меня не так поняли... Не нужны мне ваши деньги. Я и сама думала купить вина. Нет, вы в самом деле отвыкли от наших обычаев. Вы когда-нибудь видели казаха, который, придя в гости, дает деньги на выпивку? Кстати, могли бы купить вина по пути.

Она спохватывается, видя, что сказала лишнее.

Айторе. Я хотел сам купить вина, но, честно говоря, постеснялся. Знаете, примите эти деньги как коримдик – дар в честь вашего дома.

Зейнеп. Я не могу их взять – не научена.

Айторе. Тогда сделаем так: пойдём в магазин вдвоем.

Зейнеп. Еще чего не хватало! Что я скажу соседям, которые только и живут, желая знать все и вся? Нет, оставайтесь дома, а в магазин я схожу сама.

Зейнеп берет сумку и выходит. Айторе остается один. Перелистывает фотоальбом. В углу громко звонит телефон. Звонит долго. Айторе не знает, как поступить. Снова принимается разглядывать фотоальбом, когда вновь звонит телефон. Теперь он звонит беспрерывно.

Айторе. Может сказать, что хозяйки нет дома? *(Поднимает трубку, слушает. На другом конце линии незнакомый мужской голос тараторит громко и торопливо.)*

Голос. Алло, мама! Почему не берешь трубку? Уснула или выходила на улицу? Ты что, поругалась с матерью Розы? Зачем? Ты думаешь, я не могу позаботиться о себе? Алло, алло! Мама, что ты молчишь? Мама... Мама!..

Айторе молча кладет трубку. Телефон тут же снова верещит. Айторе на этот раз не поднимает трубки. Через минуту, разговаривая сама с собой, входит Зейнеп.

Зейнеп. Как себя чувствуете в своем старом доме?

Айторе. Когда остаешься один, думаешь о многом.

Зейнеп. А в наших магазинах нет выбора. Взяла, что попало в руки. Теперь я займусь ужином, а вы отдыхайте.

Айторе. Нет, я вдоволь отдохнул на Черном море. Помогу вам... *(Они проходят на кухню.)* Кстати, звонил ваш сын. Сперва я не брал трубку, но он позвонил снова...

Зейнеп. И что он сказал?

Айторе. Не поинтересовался, кто у телефона, выложил залпом о своих делах.

Зейнеп. У него все в порядке? О Боже, о чем вы с ним говорили?

Айторе. Не беспокойтесь, я не проронил ни слова. Он, по-моему, даже не понял, кто взял трубку. Наверняка скоро снова

позвонит.

Зейнеп. По пути в магазин я подумала: откуда это вы узнали номер моего телефона? Я вроде бы вам его не говорила.

Айторе (*рассмеявшись*). Прибег к небольшой уловке. Когда уезжал в аэропорт, увидел человека у пятой квартиры. Он, видимо, вышел покурить. На мое счастье, он знал номер вашего телефона.

Зейнеп. Вы, оказывается, не из простых. Вот, порубите лук... Как я поняла, вы уезжаете домой, не повстречавшись со своими старыми алматинскими друзьями и знакомыми. Живут здесь таковые?

Айторе. Конечно. Но не думаю, чтобы кто-нибудь из них скучал по мне. Нынче люди потеряли чувство привязанности. Встречаются спустя тридцать лет и не могут выдать из себя несколько теплых слов. К тому же я растерял номера всех телефонов. Не знаю, кто где живет. Да и город изменился до неузнаваемости. Даже этот дом я нашел с трудом... А знаете, когда-то мы топили эту квартиру углем. Посмотрите сюда!.. Здесь наружу выходила печная труба. По утрам выносили золу, а наверх, на второй этаж, тащили снизу ведрами уголь. В те дни телефона не было во всей округе, не то что в квартирах. Когда что-нибудь случалось, и надо было спешно звонить, бежали в аэропорт или поближе к центру города. Бежали, сломя голову, в гололед, чуть ли не босиком по снегу. Сейчас то далекое время представляется бесконечно дорогим. Или это всегда так – дорого все, что нами прожито?

Зейнеп. Но случается и такое, что и вспоминать не хочется.

Айторе. И все же – не перечеркнуть того, что было в жизни. Мое детство было тяжелым, а я вспоминаю о нем с теплой грустью. Не вспоминаю о горьких детских слезах или лихих, озорных днях, а воспринимаю всю детскую пору целиком как что-то чистое и безмятежное. Торопились жить, хотели как можно скорее стать взрослыми, иногда казалось, что это случится завтра же, и с нетерпением ждали утра. Помню, обмакивал ручку в чернила, – в те годы мы пользовались чернилами, – и выводил на бумаге контур ладони и пальцев. И что

удивительно – на следующее утро примеривал ладонь к рисунку и бежал к матери: «Мама, посмотри! Мои пальцы не вмещаются в рисунок. Правда ведь, я стал джигитом?» Мама целовала меня: «Конечно, мое солнышко! Ты повзрослел со вчерашнего дня, стал настоящим джигитом. Да буду я жертвой твоих маленьких пальчиков?..» Где сейчас моя незабвенная мать, и что доброго я ей сделал?... На кладбище темнеет небольшой холмик. И я давно не был на ее могилке. Да и не найду, наверное ее неприметное захоронение... А моя жизнь – вот она, мыкаюсь на чужбине...

От волнения голос Айторе срывается.

Зейнеп. Ну что вы, не переживайте. *(И у нее голос подозрительно дрожит.)* И что потом?... *(Заставляет себя рассмеяться.)* Я говорю, что было потом? Продолжали наносить на бумагу размеры ладони и пальцев?

Айторе. Конечно, продолжал... В те дни, знаете, мне казалось, мир держится на взрослых людях, всю правду на земле утверждают они. Только взрослые, представлялось мне, являются носителями добра и порядочности, противостоят злу и насилию. Все они, полагал я, живут ради народа и призваны украшать родную землю. Способны подобно легендарному батыру Толагаю, свернуть горы. Вот и торопились стать взрослыми... В детстве мы не ведали, что добро и зло, любовь и насилие идут рядом, что в жизни зачастую верх берут зло и насилие. Теперь я думаю – и это хорошо, когда живешь в неведении... Вот так происходит в жизни: в детские годы торопишься стать взрослым, а взрослая жизнь выдается бесцветной, неинтересной. *(Кивает с коротким смехом.)* Словно это бесцветное румынское вино. *(На плите с шипением выливается из чайника вскипевшая вода.)* Это что, чайник уже вскипал? Я так разговорился? Наверное, заморочил вам голову.

Зейнеп. Вы интересный человек. Наверное, не поверите: я, оказывается, наедине ни разу ни с кем не беседовала. Имею в

виду – с мужчиной. Вероятно, вы обладаете каким-то магическим даром.

Беседуя, садятся за стол, за которым недавно сидели.

Зейнеп. Странно, сын не звонит. Может, за беседой мы не услышали звонка?

Айгоре. Нет, телефон не звонил.

И в это время резко звонит телефон.

Зейнеп (*вздвинув*). О боже! В этом доме и дверной звонок, и телефон кого угодно сделают заикой. Как нам быть? Вдруг это кто-то из детей.

Айгоре. Не знаю. Тут я бессилён.

Зейнеп. Ну, надо же?... Быть настолько беспечными... Сваха сказала, что он лежит выпимши... Как бы сгоряча не оскорбил вас... Позора не оберешься, если он пришел с невесткой. Ведь ничего не поймут!..

Снова звонят в дверь

Зейнеп. Сейчас! Сейчас открою! (*Ступая на носках, приносит Айгоре плащ и шляпу.*) Оденьтесь и стойте как человек, который только что вошел в дом.

Айгоре. И кем... я должен предстать?

Зейнеп. Действительно, кем? Может, вы – сантехник? Нет, не похоже. С этим галстуком – узел, с добрый кулак... Из домоуправления? Но они не ходят ночью по квартирам. Нашла! Вы – агитатор!

Айгоре. И какую я должен вести агитацию?

Зейнеп. Не знаю, придумайте сами.

Айгоре. Сейчас нет выборов...

Зейнеп. Да? Я и не подумала. Тогда... Вы зашли по ошибке.

В двери звонят непрерывно.

Все, больше мы с вами ничего не придумаем. Стойте, как вкопанный, и оглядывайтесь вокруг, будто незнакомый мне человек.

Зейнеп идет к двери. Айторе надевает плащ и шляпу и застывает посредине комнаты. Слышно, как Зейнеп с кем-то разговаривает в передней. Возвращается в комнату.

Айторе. Кто это был?

Зейнеп. Ваш знакомый. Уф!..

Айторе. Какой еще знакомый?

Зейнеп. Тот самый – из пятой квартиры... Пришел, говорит, извиниться за то, что дал одному незнакомому человеку номер моего телефона.

Айторе. Уф!.. У меня сердце всполошилось от мысли, что пришел Ертай.

Зейнеп. Такие у меня соседи. Лягушка не проскочит без того, чтобы они не знали об этом. Ну, что вы стоите там?

Айторе. Стою как вкопанный.

Зейнеп. Это называется – стою как вкопанный? Разве при этом держат руки, сцепив сзади?

Айторе. А как надо бы стоять?

Зейнеп. Вот так? (*Хочет показать и чуть не теряет равновесие.*) Как вкопанный... Как же надо бы?... Помню, ходили в лес за дровами, и мама упрекала меня: «Что стоишь, как вкопанная?» Как же я тогда стояла? Вот так, по-моему...

Она снова теряет равновесие и чуть не падает. Машинально прислоняется к Айторе. И оба весело смеются над самими собой.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прежняя картина. Зейнеп занята домашними хлопотами.

Входит Айторе. Он деликатно дарит ей цветы. Зейнеп не скрывает радости.

Зейнеп. Представляю, что будет, если нас такими развеселыми увидит кто-нибудь из детей. Упаси боже от этого! Идемте к столу, чай, наверное, остыл.

Айторе. А что в этом такого, если увидят? Познакомимся. Я ведь не вор какой-нибудь! Так и скажем, я – прежний хозяин этой квартиры. *(Посмеиваясь, садится на свое место. Зейнеп наливает ему чай.)*

Зейнеп. Что такого, говорите? Мой забияка может ведь и ляпнуть: «Веселишься со стариком, а меня встречаешь хмуро». Но вы лучше расскажите, почему подались на чужбину?

Айторе *(словно бы не слыша ее слов).* Мне кажется, в мой якутский дом пришли гости.

Зейнеп. Ну и что, если пришли? Супруга встретит их.

Айторе *(после паузы).* Раньше мы всегда были рады гостям. Как у вас с этим сейчас?

Зейнеп. И сейчас радуемся им. Разве не потчую я сейчас человека, которого прежде ни разу не видела.

Нависает долгая, непривычная тишина

Айторе *(поднимаясь с места).* Зачем я подался в далекие края? И что нашел там такого, что остался жить на долгие годы? Честно говоря, давно хотел кому-нибудь излить душу, освободиться от тяжести. Можно, конечно, поведать кому-нибудь о своих мытарствах, но где найти человека, который поймет тебя? Я этого не знаю... Последние три-четыре года меня до смерти мучают мои житейские невзгоды. Может, виной всему старость? Может, не сознание, а само тело чувствует, что большая часть жизни прошла и осталась ее малая часть? В Крыму долго и душевно беседовал с одним старым человеком. Он был сведущим, вдумчивым собеседником. Казахом по сути. Уроженец Арыси, что под

Чимкентом. Не слышали, есть в тех краях такой город?

Зейнеп. Конечно, есть! Как ему не быть, когда я сама родом из этого города? Арысь – большой город, стоит на перепутье древних караванных дорог.

Айторе. Воистину мир тесен! Кто бы мог подумать? Знаете, человек, оказывается, становится чувствительным, когда живет вдалеке от родных мест. *(Наливает в рюмку и отпивает немного вина.)* Вероятно, есть и такие люди, которым спокойнее жить там, где им сытно, а вот я не могу не думать о родине. *(Смеется.)* Наверное, никто так не привязан к родным местам, как мы – казахи. Помню, в детстве двое наших родственников решили переехать в другие места. Что было, когда они погрузили домашний скарб на повозки! Собрался чуть ли не весь аул, у мужчин на глазах слезы, женщины причитают. Прощались так, словно эти наши родственники шли на смерть. А предстояло им жить в каких-то семидесяти верстах от нас. Вот они – казахи! А я, как вы точно заметили, живу на краю земли. Надо бы переехать обратно, да есть причина, которая не позволяет мне этого сделать. А на сердце – тоска. В этих краях у меня немало родственников и друзей. Вернее, были. Двадцать лет тому назад. Не знаю, сколько их на сегодня осталось. Говорят, по глазам человека можно узнать о всей его жизни, но я, видно, постарел: не тянет даже взглянуть на близких.

Зейнеп. Может, причина в вас самом? Что, если по природе вы – бессердечный?

Айторе. Вы правы, я таким родился.

Зейнеп *(смущенно)*. Извините, не подумала, что говорю...

Айторе *(успокоившись)*. Чего же тут извиняться? Вы недалеко от истины.

Зейнеп. Не знаю. Вот вы хвалите казахов, а стоят ли они того? По мне, они несерьезно относятся к своей жизни. Женятся на китаянке – все в доме становятся китайцами, выйдут замуж за того же китайца – то же самое... Как в той пословице: ударишь сову камнем – погибнет сова, ударишь совой о камень – погибнет та же сова.

Айгоре. Выходит, этой совой оказался я! (*Неожиданно разозлившись.*) Но сколько раз я сегодня говорил, что тоскую по родине? Вы что, полагаете, я не мог из Симферополя вылетать прямо в Якутск?

Зейнеп (*тоже осердясь*). Что вы закусили удила? И почему повышаете голос? Таким тоном со мной не разговаривал даже мой муж.

Айгоре (*беря себя в руки*). Вы – настоящая женщина, Зейнеп.

Зейнеп. Уже неинтересно.

Айгоре. Простите великодушно. Вы все-таки не чужой мне человек, хозяйка моей квартиры.

Зейнеп. Посмотрите-ка на него? Высказал свое, а теперь на попятную. И что дальше?

Айгоре. Что дальше?

Зейнеп. Вы же начали этот разговор !

Айгоре. Ах, да... (*Наливает вина, выпивает.*) Человек – гость на этой земле, божий гость. И, Зная об этом, каждое утро ждет добрую весть, каждый день ожидает чуда. Ждет все это, как желанного гостя. Так ведут себя и всемогущий хан, и последний нищий. Я только что говорил вам, что в этом городе у меня немало близких и друзей. Но у меня нет сил ходить по алматинским улицам. Такое ощущение, будто я ступаю по костям моего ребенка.

Зейнеп. О небо, о чем вы говорите?! Какие кости?

Айгоре. Помните, я рассказывал о своем сыне, который угодил в тюрьму? Не повезло ему в жизни. После заключения вроде бы пришел в себя, устроился каменщиком в строительной организации. Зарабатывал неплохо, хватало на себя. И у меня поднялось настроение, позабыл о выговоре, полученном на работе «за неправильное воспитание сына». Стал заместителем управляющего геологического треста, вокруг только и говорили, что я возглавлю наш трест. Сейчас на базе нашей организации создано целое министерство. И в этот момент, когда мои дела шли в гору, все пошло вверх тормашками.

Зейнеп. А что случилось?

Айгоре. Завистники засыпали «инстанции» целым ворохом анонимок. Те, кто ходил в моих друзьях, клялся в верной дружбе... Оказывается, я устраивал на работу своих родственников, в гостях, выпимши, нес крамолу, выписывал премии и распределял их по своему усмотрению, морально разложился и жил с двумя женами и так далее и тому подобное. Стали таскать меня, требовать объяснений, затеребили. Взялись за меня настолько серьезно, что не удалось оправдаться... Однажды ночью в доме неожиданно зазвонил телефон. Жена подняла трубку, послушала и громко разрыдалась. Нас просили срочно приехать в отделение милиции. Там нам показали весь испачканный кровью пиджак сына. Нас, оказывается, нашли по записной книжке, найденной в кармане пиджака.

Зейнеп. Но он остался жив?

Айгоре. О нем не было никаких сведений. Жена упала в обморок. Как же мне было трудно смотреть на мучения жены и дочери! Сердце разрывалось, когда они плакали навзрыд, держа в руках испачканный кровью пиджак. Чуть с ума не сошёл. Жизни не стало... Вечерами наш дом, этот дом, в котором мы с вами сидим, казался холодной темницей, а не человеческой обителью.

Зейнеп. О боже! Но нашелся ваш сын?

Айгоре. Нашли. Через год.

Зейнеп. Где?

Айгоре. Выгребли кости из-под асфальта, когда прокладывали улицу. В заднем кармане брюк сохранилось удостоверение личности. Оно было чистеньким, словно выдали вчера. Нашли половину тела – ниже груди...

Зейнеп (*с ужасом*). О боже, что вы говорите?! Замолчите!.. Не надо больше ничего говорить! Как все это жестоко!..

Айгоре. Время такое, люди стали жестокими.

В комнате повисла мертвая тишина. Зейнеп плачет.

Зейнеп (*сквозь слезы*). Что вы замолчали?

Айгоре. Мне не о чем больше рассказывать.

Зейнеп. У меня хватало своих забот. Теперь еще и ваши... Как тяжела жизнь пасынков судьбы, сколько слез и мук? Вы пришли словно из другого мира, рассказали о себе... А теперь говорите: "Мне не о чем больше рассказывать". А я должна нести бремя... Свои и чужие горести... А до меня, кажется, никому нет дела.

Айгоре. Простите, может быть, скажете, как мне успокоить вас? До сего часа мы не были близко знакомы...

Зейнеп (*резким тоном*). Да, не были близки? Я чужая вам. Вообще, людей сейчас не понять. Не помню, чтобы меня утешали и близкие по крови люди. Хотя... я сама не заботилась о себе. Принимала за грех жить сугубо своими заботами. Но, оказывается, давно позабыты такие понятия, как совесть, жалость, благодарность, вина, раскаяние. Я с малых лет ухаживала за больной матерью. Старалась вывести в люди многочисленных братьев и сестер – родных, двоюродных... Делала все, чтобы они не обижались на меня, вертелась, как веретено. Но никто из этих людей не удосужился сказать мне: «Из-за нас ты шла в огонь и в воду, позаботься хоть немного о себе». Потом обо всех моих заботах и вовсе позабыли. Мать умирала на моих руках. «Мы все были обузой для тебя, – плакала она в свои последние минуты. – Подобно сунгыла – дынному сорняку, который забирает все земные соки у дыни, из-за чего она хиреет, мы висели на тебе. Ты не получила того, чего заслужила в своей жизни. Но ты, доченька, оправдала все мои ожидания. Благочестивость – она тоже избирательна, находит на одного ребенка в многодетной семье. И этот единственный ребенок несет все тяготы и бремя заботы обо всех своих близких. Тебе, душа моя, вышла такая судьба... Но знай, добрые деяния не всегда оборачиваются добром. Тебе воздаст Всевышний...» Мать словно в воду глядела, так оно все и вышло. Не помню, чтобы мне кто-то отплатил добром.

Айгоре. Она пророк.

Зейнеп. О ком вы?

Айгоре. О вашей матери.

Зейнеп. Да, она пророк. Хотя, конечно, известно, что на добро не всегда отвечают добром... Но кто оказался в ответе за смерть вашего сына?

Айторе. Это долгий разговор. Я бы не хотел морочить вам голову, но коль скоро вы интересуетесь... Эту подлость сотворили те, кто враждовал со мной. Оказалось, мой сын нашел организатора всех этих анонимок, встретил его в темном подъезде, потряс за ворот. Тот перепугался, признал свою вину. Но затаил злобу и в конце концов отомстил моему сыну. А я не смог доказать, что совершено преступление.

Зейнеп. А рабочие, которые прокладывали дорогу? Вы встречались с ними?

Айторе. Много воды утекло со дня убийства, время было потеряно. Люди те разбрелись, мало кого удалось найти. В общем, я не мог больше оставаться в этом городе. Как я уже говорил, было такое ощущение: идешь по улице и будто слышишь под ногами хруст костей сына. Однажды собрались и переехали в Якутск. Там жил мой старый друг, к нему и поехали.

Зейнеп. А ваша супруга?

Айторе. Она... скончалась год назад. Когда нашли останки сына под асфальтом, она несколько дней была не в себе. Потеряла голову, что ли, была в забытьи... Потом стала бродить по улицам в поисках останки сына. Мне пришлось оставить работу и смотреть за ней, чтобы теперь не потерять и ее. Эта болезнь и довела ее... Ушла однажды из дома искать сына. Стояла полярная ночь, бушевал невиданный буран... Не нашли мы ее. Не достались ей положенные человеку два аршина земли...

Зейнеп. Вот – она жизнь! *(Вытирает слезы концом платка.)* Сегодня она есть, завтра – нет. Рождается человек, взрослеет, пытается чего-то достичь в жизни и, как сегодня уже говорили, идет ради этого в огонь и в воду. За этими нескончаемыми хлопотами порой и не замечает, как пролетала жизнь. И на этом коротком отрезке, между рождением и смертью, люди еще успевают нанести столько вреда друг

другу! Скажите, ради чего?

Зейнеп плачет. Айторе кладет руку ей на плечо, пытается успокоить. Оба они не замечают этого движения друг к другу.

Айторе (*задумчиво*). Я знаю, нежна и хрупка женщина и насколько при этом она сильна и мужественна. Но никому не дано познать ее душу. Все гении мира могут, собравшись вместе, отгадать тайну вселенной, но они не способны познать женщину.

Зейнеп. О чем вы?

Айторе. Из-за сострадания к вам разговариваю сам с собой. Я симпатизирую вам.

Зейнеп. Симпатизируете?

Айторе (*тихо рассмеявшись*). Да. Разве не бывает так, что человек тянется к кому-то? Такое и происходит сейчас со мной. Когда-то...

Зейнеп. Нет, вы оставьте свое «когда-то»... Вы, в самом деле, симпатизируете мне?

Айторе. Да. А что в этом предосудительного?

Зейнеп. О боже, какой срам! Вы... в самом деле... одичали, что ли?... Во всяком случае, потеряли стыд. В таком возрасте, впервые встретив женщину, притом преклонного возраста... Нет, определенно, вы конченный человек.

Айторе (*самозабвенно и весело смеется*). Скажете вы тоже! Конченный человек! Знаете, со мной, действительно, что-то произошло. И теперь вам только и осталось прогнать меня из родных мест, вот тогда в этих краях для меня не останется ничего привлекательного. Исчезнет последняя надежда.

Зейнеп. Не надо так говорить! Нельзя человеку жить без надежды. Я считаю, что никакое горе не должно заслонять родину. Возвращайтесь.

Айторе. Ради кого? И ради чего?

Зейнеп (*с удивлением*). Разве на родину возвращаются ради чего-то? Что у вас за претензии?

Айгоре. Но как я приеду? Ни дома, ни работы, и вообще никаких средств для существования.

Зейнеп. Вы полагаете, что все это кто-то должен вам преподнести на блюдечке? Родина – это наши соплеменники. Что, там, на краю земли вам на подносе преподносили мясо жирного барана: «Мой брат – казах, мы тебя ждали с нетерпением, проходите на почетное место?»

Айгоре. Нет, конечно.

Зейнеп. О чем тогда речь вообще? Здесь ваша родина, на ней живут ваши соплеменники. Живут они на воде – и вы живите на воде, пьют отраву – и вы пейте вместе с ними. Жить вместе со всеми, жить, как все – горя не знать. Не дело – приезжать на все готовенькое, это, по-моему, не к лицу мужчине. Да живут здесь нынче не припеваючи.

Айгоре. Вероятно, вы правы. Вы – умная женщина, Зейнеп. Несколькими точными словами расставляете все по местам.

Зейнеп (*спохватившись*). Ой, мы за беседой не заметили, что чай снова остыл. Я подогрею. (*Включает электрический самовар.*) И от моего безалаберного ни слуху, ни духу. Где он пропадает до сих пор?

Айгоре. Родители в заботе о детях, а дети беззаботны! Придет, наверное, когда вспомнит о матери.

Зейнеп. Вот так всегда. В непрестанных переживаниях за детей проходит жизнь родителей. Дети взрослеют и разлетаются кто куда. Особенно, сыновья. словно сами по себе родились. Никогда не подумают, что родители покоя не ведают, ожидая от них вестей. Иногда приедут на похороны, чтобы бросить на могилу пригоршню земли, а порой и на это не находят времени. Несчастные же дочери всю жизнь питают чувства к родителям. Покойная мама говорила: «По правде говоря, за мать по-настоящему переживает лишь дочь».

Айгоре. Вы так полагаете?

Зейнеп. Говорят, в том мире кладут на весы все, что люди совершили в своей земной жизни. И добрые дела, и неблагоприятные поступки... И одних отправляют в ад, других – в рай. Люди живут на грешной земле, потому и вины в них

много. Однажды, рассказывают, к родителям, у которых содеянного зла оказалось больше, чем благодеяния, подбежала, стеноя, дочь и сказала: «Я беру на себя всю вашу вину и готова гореть в аду». И сказав эти слова, сродни заклинанию, бросила свой платочек на чашу весов, куда были, положены благие дела родителей. Дочь, получилось, уберегла своих родителей от жестоких страданий. Вот оно – душевное свойство дочерей! Она пошла в адский огонь вместо родителей.

Айторе. Спасибо вам за этот рассказ. *(Он, волнуясь, вытирает лицо платком. Потом подходит, садится напротив Зейнеп, берет ее за руку.)* Я знал о том, что с той поры, когда появились перволюди Адам и Ева, то есть, когда появились два существа – носители мужского и женского начала, страдания женщин в тысячи раз было больше, чем у мужчин. Но вы рассказали об этом столь выразительно и настолько глубоко, что на душе как-то стало светло.

Зейнеп. Моя дочь была единственной опорой в моей жизни. Наверное, она охранит меня и в потустороннем мире. Я говорю о дочери Назипе... *(Тоже волнуясь.)* С малых лет росла, моя кровинушка, познавая бедность, нехватку... Умерла, когда ей исполнилось двенадцать лет. Есть ли для матери большее горе, чем смерть ребенка! Она была немногословной и тонко чувствовала жизнь. Вроде бы и недолго болела: дня два пролежала в постели. Всего два дня!.. И в последние свои минуты доченька не теряла самообладания. «Апа, – спокойным голосом сказала она, глядя мне в глаза. – Я думала подарить вам в том мире три платочка. Вот они». Она извлекла из-под подушки аккуратно сложенные вчетверо новые платочки и тихо улыбнулась: «Но на вас нет и пятнышка греха. Поэтому я, наверное, подарю их кому-нибудь из тех, кому уготован ад. Избавлю несчастного от мучении...» Не думала я, что она умрет. Даже мысли не было об этом... Но что я смогла бы поделать, если бы даже догадалась о смертном часе дочери? Поняла о скорой ее кончине, когда она сказала: «Апа, когда повезете меня хоронить, держите в своих руках мою руку. Пожалуйста, не отходите от меня...» Душа моя

умерла...

Айгоре. М-м... Что стало причиной ее смерти?

Зейнеп. Я в этом виновата.

Айгоре. Каким образом?

Зейнеп. Так получилось. В те дни я болела, не выходила из дома. Дети же учились в разных школах. Я не смогла ходить в школу за дочерью. Она оказывается, села по ошибке на другой автобус и заблудилась в городе.

Айгоре. И что потом?

Зейнеп. На другое утро какие-то люди привели ее домой.

Айгоре. Где она была?

Зейнеп (*сквозь слезы*). Всю ночь просидела в каком-то полуразрушенном доме. Если б я не была больна...

Айгоре. Видно, сильно простудилась.

Зейнеп (*резко подняв голову*). Что, и это вам надо знать?

Айгоре. Простите, я, кажется, допустил бестактность.

Зейнеп (*после паузы*). Люди вконец выродились. Говорят, когда всевышний недоволен людьми, он лишает их всего человеческого. Видимо, так и произошло, потому как люди стали нетерпимыми друг к другу. Не сердце у них в груди, спекшийся камень. Как они могли так жестоко поступить с девочкой? Жеребеночек мой!..

Айгоре (*тихо*). Не смею больше задавать вопросов.

Зейнеп. Спрашивайте. Нам уже нечего скрывать друг от друга. Какие-то изверги поглумились над ней.

Айгоре (*закрывая лицо ладонями*). Ах, звери! Что стало с людьми? Прощу вас, не падайте духом! Умоляю...

Зейнеп. А что мне еще осталось в жизни, кроме как терпеть удары судьбы?

Айгоре. Нашли этих извергов?

Зейнеп. Нет. Да и некому было их искать. Жалка участь простых людей. Мы, наверное, самые терпеливые и покорные люди.

Айгоре. Почему это с каждым днем обесценивается человеческая жизнь? Земля не терпит нас?

Зейнеп. Не знаю. Что вам может ответить старуха, промыкавшаяся всю жизнь?... Вот моя бабушка была

своеобразной женщиной. Не позволяла женщинам рожать вдали от дома. А беременных невесток старалась вообще не выпускать за порог. Стоило кому-нибудь из них заглянуть к родным, как она тут же поднимала всех на ноги и не успокаивалась до тех пор, пока сама не приводила ее домой. Говорила, что ребенок, родившийся вне родного дома, обязательно вырастет жестоким и бессердечным. Мы, глупые, смеялись над ней. Наверное, она знала какую-то тайну и держалась за нее, иначе зачем было ей ссориться с людьми? *(В это мгновение из кухни слышится, как с шипением выливается содержимое вскипевшей кастрюли.)* Ой, как это я забыла про кастрюлю? Конечно, и мясо уже давно сварилось.

Айторе *(задумчиво)*. «Ребенок, родившийся вне родного дома, обязательно вырастет жестоким и бессердечным». Откуда у нее эти мысли? Почему я раньше не слышал о них? Или мы такие простые вещи принимаем за предрассудок и – ноги в руки – и бегом от своего мира? Как все точно!.. Похоже, мы, казахи, все больше подражаем чужому, и, кажется, стали в этом деле неподражаемыми. Все свое... подобное самородному золоту, теряем на каждом шагу.

Голос Зейнеп *(из кухни)*. Что вы сидите там, как посол враждебной страны? Идите сюда и хотя бы нарежьте мне лука. Не забыли о том, что вы в пути? Поспешите.

Айторе *(входя в кухню)*. Я нарежу и лук, и мясо! Дайте мне нож?

Зейнеп *(вздрогнув от неожиданности, роняет нож)*. О, создатель? Как не заметно вы вошли!

Айторе поднимает нож с пола и трогает пальцем лезвие.

Айторе. Ну и дела! Это же не нож, а тупой топор!

Зейнеп. В доме, в котором нет мужчины, нож походит на топор, а топор сойдет за молоток.

Айторе. Опять вы точны! Нет, вы не женщина, а самый настоящий клад. Столько знать!.. Но если вы такая умная, подскажите мне: где у казаха находится желудок?

Зейнеп. На макушке.

Айторе (*весело*). На этот раз вы промахнулись! Желудок у казаха находится на этих вот пальцах. Он никогда не будет сыт, пока не обожжет их горячее мясо.

Оба весело смеются, глядя друг на друга. Взгляды их теплы. Он находит брусок и точит нож.

– Нас всего двое, а вы сварили столько мяса. Вряд ли мы осилим его в один присест.

Зейнеп. Казахи не считали за многое, если мясо помещалось в один казан. А у нас с вами – всего одна кастрюля. И вообще, не принято так рассуждать о еде. Полагать, что приготовили много пищи, это то же самое, что ненароком показать потомственную бедность своих предков.

Айторе. С вами не поспоришь. И все же скажу: в какой-нибудь европейской стране нашего ужина на двоих с лихвой хватило бы на делегацию в тридцать человек.

Зейнеп. Даже так? Ну, что же, если взвалена на двух казахов работа тридцати европейцев, придется нам с вами смириться с этой задачей.

Оба весело хохочут над своими словами. Разрезают мясо, кладут на блюдо и несут в гостиную. Айторе раскупоривает бутылку, и наливает в два фужера светлое вино.

Айторе (*поднимает фужер*). За нашу вторую встречу в нашем старом доме!

Зейнеп. Спасибо.

Они чокаются, и в это время резко звонят в дверь.

– Ну вот! Я только было подумала, что это нас не тревожат?

Она поднимается с места со смешанным чувством огорчения и недовольства.

Айторе (*с испугом*). А мне как быть?

Зейнеп. Сидите. *(Подходя к двери.)* Кто там?

Голос Ертая. М-м... Это я!

Зейнеп. Это ты, Ертай?

Ертай. Да, да!

Зейнеп. О, боже, он же еле ворочает языком!

Открывает дверь. Входит промокий с головы до ног Ертай. Плащ свисает с него мокрыми складками.

Зейнеп. Что за вид?! И где это ты успел так напиться? Мне же сказали, что ты спишь!

Ертай. Р-роза где? Она... Она здесь?

Зейнеп. Откуда мне знать, где она? Я думала, вы вместе. Ты же сам сказал мне, что ждете ее старшего брата.

Ертай. Нет, она здесь! Она убежала от меня, а ты скрываешь...

Зейнеп. О, небо! С какой стати я буду прятать здесь свою невестку? Вы что, опять не ладили друг с другом?

Ертай. Да...

Зейнеп. И чего вам не хватает?

Ертай. Я ей покажу!.. Нищий... Она обозвала меня нищим. Она... Хотел убить ее, но она убежала. Искал на улице... Не нашел. В том доме сказали, что она ушла к вам.

Зейнеп. Ну, хорошо, пусть говорят, что бог им на душу положит. На каждый роток не накинешь платок. А об убийстве и не зарекайся. Тебе только и осталось, что сесть в тюрьму. Раздевайся.

Ертай, не разуваясь, проходит в комнату. Останавливается, видя за столом незнакомого человека.

Ертай. А это что за тип? Старик какой-то... Я... Я... думал, это Роза сидит... *(Проводит пальцем по своему горлу.)* Хотел оторвать ей голову. Вам понятно?

Айгоре. Спасибо, что обозначились.

Ертай. Он еще благодарит! Посмотри, какой культурный!

Ертай хватает фужер, стоящий перед Айторе и опрокидывает его одним махом.

– Уф-ф!.. За вас!

Айторе. Спасибо

Ертай (*матери, стоящей молча, потерянно*). И вправду Роза не приходила?

Зейнеп. Не приходила.

Ертай. Но где она?

Зейнеп (*чуть не плача*). Чего же меня спрашивать? Откуда мне знать, где она?

Ертай. Тогда я пошел. (*Берет фужер матери и снова залпом выпивает. Кивает Айторе.*) Ну, чао, Майкл Джексон! (*Неверно ступая, направляется к двери.*)

Зейнеп. Ертай... Ертайжан! Ты куда? На улице дождь, холодно...

Ертай прибавляет шагу и уходит почти бегом. Зейнеп не в себе. Садится за стол с отрешенным видом.

Айторе. Кажется, я доставил вам хлопот.

Зейнеп (*вздрагивая*). Что? Вы что-то сказали?

Айторе. Чувствую себя неловко оттого, что доставил вам хлопоты.

Зейнеп. Тут нет вашей вины... (*Кладет мясо в тарелку.*) Покушайте. Не беспокойтесь понапрасну.

Айторе. Мне пора в аэропорт.

Зейнеп. Да, наверное, пора. Но выпейте хотя бы горячего бульона. Я положила в него курт – сухой степной сыр. Вы, наверное, давно не пили нашу сорпу?

Она протягивает Айторе пиалу с сорпой. Он выпивает одним махом, но это несколько отличается от недавних манер Ертая.

Айторе (*стараясь держаться бодро*). Как вкусно! После сорпы с куртом ничего больше не хочется есть. Знаете, у меня был ровесник. Каждый раз после поездки за границу он говорил:

«Там считают, что едят. Не придумали даже что-нибудь наподобие нашего курта, который в течение ста лет не теряет вкуса, а строят никому не нужные пирамиды и купола». Мы смеялись над его словами: «Думаешь, на том свете спросят, что ты ел?» А он в ответ: «Ну, уж точно не спросят, что я построил на земле!»

Зейнеп сидит, не обращая внимания на его слова.

Зейнеп (*разговаривая как бы сама с собой*). С каким теперь лицом я предстану перед детьми? Что я им скажу? Прислушаются ли они к моим словам?

Айторе (*виноватым тоном*). Со мной всегда так. Как только всей душой тянусь к чему-то, так сразу же что-то становится поперек пути. С самого детства так.

Зейнеп. Видно, в детстве вам не разрезали пути.

Айторе. Как это?

Зейнеп. Разве вы не знаете о таком обычае?

Айторе. Нет... Не слышал.

Зейнеп. Похоже, вы росли сами по себе, как кукуруза в тени: ничего путного не видели, ни о чем добром не слышали, ничего не знаете. Как же вам удалось сохранить первозданную чистоту?

Айторе не сердится в ответ, а смущенно смеется.

Айторе. Ну, просветите меня, если вы такая всезнающая.

Зейнеп. Когда ребенок только начинает ходить, ноги его связывают путами и потом разрезают их. Устраивают той – праздничный пир. Делается это для того, чтобы ребенку везло в жизни, чтобы он не спотыкался и не падал в пути.

Айторе. А сейчас нельзя это сделать?

Зейнеп. Вы опоздали ровно на шестьдесят четыре года.

Айторе. Тогда делать нечего. Ну, спасибо за хлеб-соль! Я очень признателен вам. Благодарен судьбе, что именно вы живете в доме, в котором некогда жил я, что она побудила во мне желание взглянуть на свой старый дом и дала возможность побеседовать с вами. Вчера читал один журнал и наткнулся на такие вот строки:

В нескончаемых клубах смрадного дыма

Клуб дыма новый в муках родился.
Жил в потемках он и умер снова в муках.
Вот оно – подобие жизни...

– Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. И в этой нескончаемой чреде беспросветных лет встреча с вами представляется мне единственным светлым лучом, озарившим всю мою жизнь.

Зейнеп. Перестаньте! О чем вы, на самом деле?

Айторе. Простите. Я сам не люблю пышных слов. Становится не по себе, когда видишь человека, который только и занимается бахвальством. Это бесстыжий человек. Но я больше виню тех людей, которые искренне слушают слова, полные лести и обмена. Не будь таких простодушных, пустые слова исчезли бы сами по себе. А сейчас я сам не заметил, как выразился высокопарно. И все же тысячу раз спасибо вам, что вы есть и являетесь хозяйкой этого дома.

Зейнеп попыталась было возразить, но Айторе жестом останавливает ее.

Айторе. Понимаю, понимаю! Вы хотите сказать, что я потерял всякую меру! Но, наверное, и мне в своей жизни дано хотя бы одному человеку излить свою душу. Этим человеком оказались вы. Я мог бы и не говорить обо всем этом, но мы с вами больше никогда не встретимся. Никогда! Как я вижу, на нашу с вами долю досталось немало горя. Такова, видно, наша судьба.

Зейнеп. В нашем ауле жил старик по имени Баракат. Был бедняк бедняком – хоть веревку сучи из его сухожилий. Ходил в пастухах у состоятельных хозяев. Помню, однажды, тяжело опираясь на палку, он сказал: «В мире насчитывается восемнадцать тысяч живых существ. И чтобы создать хотя бы одно из них, всевышний должен был возлюбить его. Благодарю всевышнего за то, что он возлюбил меня и создал человеком, который с палкой в руках ходит за скотиной. Ведь он мог создать меня собакой, свиньей, муравьем или червяком, комаром и даже гнусом»... Я слушал его в детстве. А сейчас думаю: большой смысл содержится в этих его

откровениях. Устремляясь вдаль, мы теряем то, что находится рядом. Пытаясь постичь глубинное, не обращаем внимания на то, что лежит на поверхности.

Айторе. Это верно. И не ушли далеко и не копнули глубоко. Жаль.

Зейнеп. По делам нам воздается.

Айторе. Но жаль и другое: все меньше остается на земле таких женщин, как вы. Еще лет через сорок-пятьдесят мы, конечно же, увидим на земле совершенно других женщин. Тех, кто познал мир с помощью телевизора. Вы замечаете, что уже трудно становится найти бабушек способных рассказать сказку своему внуку?

Зейнеп. У казахов есть пословица: «В сорок лет обновляется очаг, в пятьдесят – страна».

Айторе. Точно сказано. *(Айторе в порыве чувств обнимает Зейнеп за плечи и тут же одергивает руки.)* Очень скоро наше место заступят молодые, а через полвека изменятся и они сами. А мы... как вы сейчас сказали, превратимся в потухший очаг. Наш тлен будет витать где-то между небом и землей. Если только от нас останется тлен... Ну, довольно предаваться печали. И без того жизнь не балует нас. Я хотел бы свой тост посвятить вам.

Зейнеп. Как вам угодно. А я подам закуску.

Она потянулась к тарелкам, но Айторе хватает ее за руку.

Айторе. Повторяю, что говорю все это потому, что мы с вами больше не встретимся. Отпейте и вы вина.

Зейнеп. Я никогда не пила вина.

Айторе. Никогда?

Зейнеп. Никогда.

Айторе. Даже в молодости не пили?

Зейнеп. И в молодости.

Айторе. Человек – существо недоверчивое.

Зейнеп. Чего же тут удивительного? Ни разу в своей жизни не пробовала вина. Даже не знаю его вкуса.

Айгоре. Давайте решимся? Пусть будет так, что вы впервые в жизни попробуете вина.

Зейнеп. Мужчинам дай только повод сбивать женщин с праведного пути. Так уж быть, попытаюсь.

Зейнеп чокается с Айгоре и, крепко зажмурив глаза, тут же выпивает содержимое фужера.

Айгоре. И это называется в первый раз?

Зейнеп (с удивлением). Это же как вода! Как же от него пьянеют люди?

Айгоре. Еще как пьянеют!

Зейнеп. Что, еще выпьем?

Айгоре. С удовольствием. За вас!

Зейнеп. За меня?

Айгоре. Да, за вас.

Зейнеп. Вы знаете... Сегодня впервые за меня пьют вино.

Айгоре. Неужели за вас ни разу не поднимали тост?

Зейнеп. Нет. А для чего это?

Айгоре. О, бог! Как вам удалось сохранить себя? Знаете, давайте еще раз выпьем за вас.

Зейнеп и на этот раз до конца осушает фужер.

Айгоре. Да, начали вы неплохо.

Зейнеп. Мы ведь прощаемся...

Айгоре. Странно, такое ощущение, что я знаю вас очень давно. Словно сижу в своем доме.

Зейнеп. А вы и сидите в своем доме.

Айгоре. Да. Ну, я пойду. Будет неудобно, если вернется Ертай.

Зейнеп. Столько провозились с ужином и все коту под хвост.

Айгоре. А вдруг все-таки встретимся еще раз?

Зейнеп (задумчиво). Вот так оно и получается: встречаются люди, беседуют, привыкают друг к другу, а потом расходятся в разные стороны.

Айгоре. И часто их дороги не сходятся.

Зейнеп. Это правда.

Айгоре. У меня был друг – поэт. Рано умер. До сих пор помню

одно его признание. "Каждая женщина – не открытая планета, – говорил он. – Не обычная, а планета печали. Душа женщины ранима. Женщина уязвима, ибо создана из чистоты и целомудрия. Человечество еще не доросло до общества, которое ценило бы женщину, вообще, не родился на свет мужчина, который бы ею дорожил. Не бывают плохой женщины, а бывают плохие мужчины.

Говорят, когда мелеет море и вода в нем превращается чуть ли в рассол, серебристые рыбки сохраняют жизнь, зарываясь в ил. И постепенно меняют свой облик и повадки. Мы сделали так, что моря мелеют, и берега покрываются коркой соли, и, в конечном счете, получаем искалеченных женщин. Мы в вечном долгу перед женщинами за то, что в них убили нежность и чистоту. Нет плохих женщин, их попросту не бывает. Самую худшую из них люди называют ведьмой, но и ведьмой становятся не от хорошей жизни. А причина – опять же мы, наша глупость и невежество, собачья жизнь, которую мы сами сотворили ..."

Зейнеп (*волнуясь*). Зачем вы рассказываете об этом?

Айторе. Оттого, что симпатизирую вам. Вы из тех редких женщин, которая сохранила чистоту и целомудрие.

Зейнеп. Запели старую песню.

Айторе. Мой друг говорил и такие слова: «Создатель “осчастливил” человека еще одним тяжким бременем – умением понимать себе подобного. Понимает другого, даже принимает близко его заботы и муки, но не способен ему помочь. Сердце начинает щемить от ощущения собственного бессилия, в груди становится пусто. Нельзя заглядывать в душу человеку, чем больше открываются тайники чужой души, тем в большую бездну ты опускаешься. Ее глубина недостижима, но даже когда достигаешь ее, находишь лишь одну горькую истину: на земле не бывает счастливого человека. Несчастьем и горем полна человеческая жизнь... Какое безграничное горе осознавать, что отмерена даже жизнь ребенка, только что появившегося на божий свет. Потому не стоит предаваться горьким размышлениям». Как вам его

рассуждения?

Зейнеп стоит чуть не плача.

Зейнеп. Зря вы поведали мне об этом. Иногда хочется жить, отрешившись от всего. Тогда чувствуешь себя беззаботной.

Айгоре. Не рассказывал бы, если бы не уезжал. Ну, давайте прощаться.

Он поднимается из-за стола и начинает одеваться.

– Будем прощаться за руку? Две наши сегодняшние встречи, полагаю, того стоят.

Зейнеп (*с грустью*). Лучше бы не приходили в этот дом...

Айгоре. Дайте пожму вашу руку. Она накормила меня.

Зейнеп (*протягивая руку*). Будьте здоровы. Счастливого вам пути. Пусть вам сопутствует удача, где бы вы ни жили.

Айгоре (*оглядываясь по сторонам*). Ну, старая наша обитель, храни тебя бог. А-а, я, оказывается, не поведал вам историю, связанную с этим стояком. Однажды я еле успел вытащить из петли свою жену, которая собиралась повеситься на этом стояке.

Зейнеп (*испуганно*). О, небо, что вы говорите? Вы тоже из тех, которые?..

Айгоре. Все мы грешны.

Зейнеп. Как же это?... Я думала, вы из порядочных. Поэтому и потянулась было к вам всей душой... то есть, отнеслась с уважением...

Айгоре. Всякое случается в жизни. К примеру, мы с вами долго и задушевно беседовали, вместе поужинали, я даже тост вам посвятил. А если бы моя жена была жива, застала нас вместе, расстроилась и решила покончить с собой? Вы бы нашли, что она права?

Зейнеп. Не приведи бог! Неужели из-за этого можно наложить на себя руку?

Айгоре. Вот видите? Точно так и произошло однажды. Шел я с работы и увидел на скамейке женщину с ребенком на руках.

Она безутешно плакала. Ей было лет тридцать пять, на вид симпатичная. Я подошел и справился, что с ней случилось. Оказывается, она воспитывала троих детей, а муж работал. И вот муж, которому она до смерти была верна, вдруг бросил ее с детьми. За день до этого женщина получила телеграмму из Актюбинска, ей сообщали о смерти матери. Ехать ей было не на что, да и оставить на несколько дней не на кого, вот она от обиды и унижения и плакала на улице. Я предложил ей деньги, но она наотрез отказалась их брать. Тогда я предложил ей взять в долг, оформил расписку. Потом приобрел ей авиабилет, помог вылететь на похороны матери. Пришлось мне даже присматривать за ее детьми, в ее доме, пока она не вернулась в Алматы.

Зейнеп. Что было потом?

Айторе. После возвращения домой она со слезами на глазах благодарила меня.

Зейнеп. А потом?

Айторе. Случилось то, что должно случиться. Видимо, кто-то сообщил обо всем этом моей жене, она забилась в истерику. Вот тогда и попыталась повеситься на этом стояке.

Зейнеп. Что же было дальше?

Айторе. Ничего интересного.

Зейнеп. А та женщина... Какие у вас с ней сложились отношения? Чем закончилось? Что вы стоите с таким видом, будто эта история вас не касается?

Айторе. Мы переехали... После убийства сына.

Зейнеп. Но вы же переехали не в один день!

Айторе. Конечно, общались, пока переехали. Она с детьми даже заходила к нам домой.

Зейнеп. А в этот свой приезд вы не пытались связаться с ней?

Айторе. Пробовал. Она, оказалось, умерла год назад.

Зейнеп. Пусть земля ей будет пухом...

Айторе (*взглянув на ручные часы*). О-о, я уже опаздываю. Прощайте!

Айторе целует ей руку и выходит наружу. Зейнеп стоит и

долго слушает стук его шагов. Одиночество. На улице льет дождь. Неожиданно шумно распахивается наружная дверь и входит Ертай. Почти бегом проходит в гостиную. Видно, что похмелье несколько сошло.

Ертай. Где?

Зейнеп. О ком ты?

Ертай. Где тот старик?

Зейнеп. А зачем он тебе?

Ертай. Хотел познакомиться с ним.

Зейнеп. Он ушел. Кстати, он – прежний хозяин этой квартиры. Зашел взглянуть на нее.

Ертай (*иронично посмеиваясь*). Неправда, мама! Он же не сумасшедший, чтобы ходить и любоваться своей старой квартирой.

Зейнеп. Оказывается, бывают и такие чудачки.

Ертай. И ты угощаешь такого чудака мясом и вином?

Зейнеп. Прости, сынок, так вышло.

Ертай. Не беспокойся, мама. (*Неожиданно с горячей нежностью обнимает мать.*) В последнее время и меня заботило... Ты, наверное, думаешь, что мы ничего не чувствуем и ни о чем не догадываемся? Нет, мы тоже кое-что понимаем. Все понимаем. Ты... Ты жила ради нас. Ни о чем другом не думала.

Зейнеп. Ертай, сынок, что ты имеешь в виду?

Ертай. Не поняла?... За эти два дня до меня дошло то, о чем я не задумывался в течение всех моих двадцати пяти лет. Прости меня, мама. Я теперь... Мы теперь не допустим, чтобы ты испытала обиду.

Зейнеп. А где невестка?

Ертай. Не знаю... Я к ней... не вернусь. Она оскорбила меня. Нас всех! Я теперь стану следить за собой, мама, слушаться тебя. Ты у меня бесценная! Другого такого человека нет на земле, мама!

Он обнимает мать и плачет. Зейнеп гладит мокрые волосы сына, целует его в лоб.

Зейнеп. И что же, выходит, ты женишься в третий раз за свои двадцать пять лет?

Ертай. Пока не знаю, мама. Может быть, больше не женюсь. Как ты скажешь, так я и поступлю.

Зейнеп. Что-что? Что ты болтаешь?

Ертай. Она сказала, что не хочет иметь сына от нищего. Собирается замуж за другого... Они били меня. Брат Розы и ее будущий муж...

Зейнеп. Как это били? Когда я звонила, сваха уверяла, что ты спишь.

Ертай. Нет... Я лежал без сознания.

Зейнеп. Будь они прокляты!.. *(плачет.)* И старший брат твой, Бектур, не сможет помочь тебе – находится далеко.

Ертай. Вчера я говорил с городом Холмском, что на Сахалине. Бектур скоро приедет, мама. Говорит, надо обрести родину, пока в здравом уме. Он ведь у нас – капитан корабля! Приедет и в два счета накажет моих обидчиков! Я его сам встречу. И расскажу ему обо всем.

Звонит телефон. Зейнеп поднимает трубку.

Голос Айторе. Мой самолет сейчас взлетает. Есть вести от Ертая?

Зейнеп. Есть.

Голос Айторе. Позвонил или пришел?

Зейнеп. Пришел.

Голос Айторе. Я просто так... Идет посадка на самолет, захотелось в последний раз услышать ваш голос.

Зейнеп. Я тронута.

Голос Айторе. Что с вами? Голос какой-то странный.

Зейнеп. Просто... Когда нас посещало спокойствие?

Голос Айторе. Ну, прощайте! Будьте счастливы!

Зейнеп. Счастливого вам пути.

Зейнеп опускает трубку на рычаг. Стоит неподвижно. Кажется, не замечает, что плачет.

Ертай. Мама! Мамочка моя, что с тобой? Ты почему плачешь?
(*Опускается перед ней на колени.*)

Зейнеп (*поднимая его на ноги, сердито*). Вставай, не смей становиться на колени! Никогда ни перед кем не вставай на колени!

Ертай. Но это же ты, мама! Я стала на колени перед тобой.

Зейнеп. Все равно!.. Можно уважать, не становясь на колени.

Ертай. Я тебе обещал мама, что буду вести себя надлежащим образом. Только не плачь, пожалуйста. Ты намучились с нами, устала. С этого часа мы будем заботиться о тебе. Мы еще обретем счастья, мама! В будущем приобрести за городом участок и построить большой двухэтажный дом. Будем жить вместе. К тому времени с Сахалина вернется Бектур. В последнем своем письме он сообщил, что раскаивается за обиду, которую нанес вам перед отъездом. Дай я тебе прочту несколько строк из его письма... «Ертай, ты ведь самый младший из нас троих, постарайся объяснить маме ситуацию. Я сильно обидел ее. И виноват перед ней всю жизнь. Если она простит меня, я перееду на родину. Здесь у меня большой собственный дом, на берегу моря. Я мог бы обменять его на квартиру в Алматы. И жена согласна на переезд, она осознала, что была неправа. Имя старшего сына Шарль мы переименовали на Шарипа, дочь Элеонора теперь Елигай. В доме мы разговариваем на родном казахском языке. Дети только что написали письмо бабушке. Я вложу его в конверт со своим письмом. Прочти маме».

Дальше строки письма читаются голосом девочки.

«Дорогая бабушка! Мы очень скучаем по вас. Почему вы не навестите нас? Мы все папа, мама и мы будущим летом собираемся приехать к вам. До свидания. Ваши внуки – Шарип и Елигай».

Зейнеп с громким рыданием опускается на диван.

Ертай. Мама, недавно я написал им письмо. " Мама давно простила вас. Очень рада вашему решению переехать в Алматы. так я им написал. Ты не обидишься на меня за мое своеволие, не станешь ругать, мама, Скажи, не станешь?"

Зейнеп. Ну что ты, сынок? Ты поступил правильно? Мой умный озорник. Мой умница – озорник!

В это время раздается гул самолета, пролетающего над самым домом. И вроде бы слышится невнятный голос Айторе: «Прощайте! Будьте счастливы...»

Зейнеп. Прощайте! Счастливого вам пути...

Ертай. Что? С кем вы прощаетесь мама?

Зейнеп. Просто так, сыночек. Задумалась, кажется. Жизнь полна тайн, жеребеночек мой, и человек не в силах отвернуться от них.

Ертай нежно обнимает мать, склонив голову на ее плечо.